

Жили-были муж и жена, и был у них единственный ребенок, и жили они одиноко, среди долины, лежащей в стороне от дорог.

Однажды мать пошла в лес за хворостом и взяла с собою Ганса, которому было два года. Дело было весною, и ребенок забавлялся пестрыми цветами, она и шла с ним все далее в глубь леса.

Вдруг из-за кустов выскочили двое разбойников, схватили и мать, и дитя и повели их в самую чащу дремучего леса, где из году в год не ступала нога человеческая. Бедная женщина умоляла разбойников отпустить ее с ребенком на волю, но у разбойников сердце было каменное: они и слышать не хотели их просьбы и мольбы.

После двух часов пути они пришли к скале, в которой проделана была дверь; разбойники постучались, и она тотчас отворилась.

Прошли они по длинному, темному проходу и пришли в пещеру, освещенную огнем, горевшим в очаге. По стенам были развешаны мечи, сабли и всякое другое оружие, сверкавшее при Огне, а посреди пещеры стоял большой черный стол, а во главе стола - атаман.

Он подошел к перепуганной женщине, стал ее уговаривать и успокаивать, и сказал, что они ей никакого зла не сделают, добавив: "Прими на себя заботы о нашем доме, и если все у тебя будет в порядке, то и тебе у нас недурно будет".

Много лет сряду бедняжка оставалась на службе у разбойников, и Ганс тем временем успел вырасти и окрепнуть. Мать забавляла его рассказами, а по старой рыцарской книге научила его и читать.

Когда Гансу минуло девять лет, он вырубил себе крепкую дубину и припрятал ее позади кровати; затем он пошел к матери своей и сказал: "Матушка, скажи ты мне: кто мой отец? Я хочу и должен это знать!"

Мать молчала и не хотела ему говорить, опасаясь, как бы он не истосковался по дому своему; а между тем сердце у нее разрывалось при мысли, что Ганс никогда не увидит отца своего...

Когда разбойники вернулись со своих хищнических подвигов, Ганс вытащил дубинку, стал перед атаманом и сказал: "Я хочу знать, кто мой отец, и если ты не скажешь, я пришибу тебя на месте!"

Атаман засмеялся да такую дал пощечину Гансу, что тот покатился под стол. Поднялся Ганс на ноги, смолчал и подумал: "Обожду еще годок и тогда попытаю - может быть, дело и лучше пойдет?"

Когда год минул, он опять вытащил свою дубинку, полюбовался на нее, обтер с нее пыль и сказал: "Крепкая, славная дубинка!"

Ночью вернулись разбойники, стали пить вино кружку за кружкой, да наконец и головушки склонили. Тут Ганс вытащил дубинку, опять стал перед атаманом и спросил его: "Кто мой отец?"

Атаман опять дал ему такую оплеуху, что Ганс покатился под стол, но тотчас же поднялся, набросился с дубинкой на атамана и разбойников и так их избил, что они ни рукой, ни ногой не могли шевельнуть. Мать из угла смотрела на это и не могла надивиться храбрости и силе своего сына. Покончив с разбойниками, Ганс опять обратился к матери с вопросом об отце своем. "Милый Ганс, - отвечала ему мать, - пойдем вместе его разыскивать и отыщем". Она взяла у атамана ключ от входной двери, а Ганс добыл большой мешок, набил его туго золотом, серебром и всяким добром и взвалил его на спину.

Так ушли они из разбойничьего вертепа, и как же Ганс был поражен, когда из мрака пещеры вышел на свет Божий и увидел зелень леса, цветы и птичек, порхавших на солнце! Он останавливался и смотрел на все это, словно был не в своем уме.

Мать разыскала дорогу домой, и после двух часов ходьбы они благополучно прибыли в свою уединенную долину, к своему домику.

Отец сидел у дверей и расплакался от радости, увидев вновь своего сына и жену, которых он давно уже почитал умершими. Однако же Ганс, хоть ему и было двенадцать лет, был на голову выше отца своего.

Вошли они в дом; но чуть только Ганс опустил мешок свой на лавку, весь дом затрещал, скамья подломилась, а за нею и пол тоже, и мешок прямо провалился в подполье.

"Господи Боже мой! Да что же это такое? Ведь ты весь наш дом поло- мал!" - "Не стоит об этом и тревожиться, - сказал Ганс отцу, - там в мешке есть на что дом заново построить".

И вот отец с Гансом принялись тотчас же строить новый дом, скот покупать и хозяйничать. Ганс пахал землю, и когда он позади плуга шел, напирая на него руками, то быкам почти не приходилось тащить плуг.